

малая проза

**ДИНЫ
РУБИНОЙ**

1970-1980

Отлично поет товарищ прозаик (рассказы и повести)

1980-1990

Всегда, всегда? (рассказы и повести)

1990-2000

Жилаю щастя. Афтор (эссе, монологи, рассказы)

1990-2000

У ангела (повести)

2000-2003

Кружение эха (рассказы и повести)

2004-2005

Сквозь сеточку шляпы (рассказы и повести)

2006-2010

Сахарное свечение (рассказы и повести)

2006-2010

Больно только когда смеюсь (интервью, эссе, байки)

2011-2016

Крепче веселитесь! (эссе, рассказы)

ДИНА РУБИНА

1970-1980 годы

рассказы и повести

Отлично
поет
товарищ
прозаик!

Москва
2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р82

Дизайн серии Ю. Стоцкой

Рубина, Дина.

Р82 Отлично поет товарищ прозаик! : сборник / Дина Рубина. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-104952-2

Книга «Отлично поет товарищ прозаик!» состоит из рассказов и повестей Дины Рубиной 70 – 80-х годов, так называемой ранней прозы. Первые вещи, написанные в 16 лет и опубликованные журналом «Юность», принесли ташкентской школьнице всесоюзную известность. Проза, созданная в выпускных классах музыкальной школы и во время учебы в консерватории, открывает нам душу – ранимую, человека – способного к состраданию, талант – ярчайший, словно пропитанный солнцем, светом и гомоном южной столицы.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Рубина Д., 2020
© Стоцкая Ю., оформление переплета, 2020
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-104952-2

Великая сила печатного слова

Любой мало-мальски чувствующий человек подтвердит вам, что нет ничего печальнее счастливого детства. Разве что отрочество, когда душа уже требует к священной жертве, а ее никто не принимает в расчет: ни родители, ни учителя. И тогда пленный дух начинает, как говорила моя бабка, «выкидывать фортеля», ибо пленный этот дух знает настоящую цену истинным вещам — дружбе, любви, самоотверженности. Цена эта высока...

Не так давно мне пришлось побывать в Кембридже. Меня поселили в гостинице знаменитого Королевского колледжа, построенного в XIII веке, попутно обронив, что женщин в этот блестящий колледж стали принимать только в 1972 году.

— Как?! — вскричала я. — И это не в Пакистане, не в Иране, не в Индии... Это в просвещенной Англии?!

На что мне ответили с невозмутимой улыбкой:

— Но у нас и порку учеников в школе отменили совсем недавно.

Нас в советской школе не пороли. Пороли нас родители. Впрочем, тоже — не все. Меня выпороли только однажды, и даже не ремнем, а кухонным полотенцем, скрученным для веса жгутом (так что я сомневаюсь — можно ли эту облегченную экзекуцию назвать настоящей поркой), когда выяснилось, что

Дина Рубина · Отлично поет товарищ прозаик!

я в течение полугода подделывала в своем унылом дневнике мамину подпись. Кстати, я и сейчас неплохо подделываю подписи, но ума не приложу, на что мне сегодня может сгодиться этот талант.

Что касается другого таланта – моего чудовищного, всепоглощающего стремления постоянно заполнять буквами и словами чистые тетрадки, предназначенные для математики и других благородных наук, – то родители считали это суцим наказанием, и мама, заслуженный учитель республики, преподаватель истории, в сердцах выкидывала испорченные тетрадки в мусорное ведро. Продолжалось это до того момента, когда однажды я послала наугад в популярный московский журнал то, что под руку подвернулось, – один из моих коротких рассказов. И его опубликовали.

Судьба обернула ко мне другую, изумленную сторону своего лица. Не потому, что меня зауважали сверстники и перестали отчитывать родители, а потому, что тайное писательство вдруг превратилось в явное – мне даже купили маленький столик, в то время совершенно не нужный: я ведь и рассказы писала, и уроки готовила лежа на животе, на своем кургузом топчане в углу «детской».

Стоит ли говорить, что персонажами моих подростковых творений становились все, кто попадал в обзор: учителя, одноклассники, дворовые друзья, а также соседи под своими именами, мамы сослуживцы, знакомые собаки и кошки... и прочая живность на окрестных улицах.

Развивающееся дарование ведет себя точно так же, как растущий организм, — жрет все подряд, не знает, куда деть неумемную энергию, и сеет вокруг хаос и возмущение близких...

Но что делать, если эту белиберду печатает московский журнал, выходящий тиражом под три миллиона?! Журнал «Юность» рассылался по библиотекам тюрем и колоний для несовершеннолетних, на корабли военно-морского флота, в красные уголки сухопутных войск. Стоит ли удивляться, что вскоре я стала получать письма с обещаниями «жениться через полгода, как только срок выйдет»... Несколько раз меня у школы ждали пугающие личности с бритыми наголо черепами, с букетиком увядших ромашек в руках.

Знакомые говорили маме: «Не могли бы вы проверить то, что ваша дочь посылает в журнал?.. Нельзя ли в следующий раз... э-э-э... вычеркнуть то, что она напишет о Владимире Львовиче, все же — завуч?»

Но к тому времени я уже превратилась в неприкасаемую фигуру: под обложкой московского популярного журнала сияла моя задорная шестнадцатилетняя физиономия и чеканно выстроились буквы моего — не простого, а уже литературного — имени.

Вот когда меня стоило бы выпороть. Но было поздно. Великая сила печатного слова, сопровождаемого юной фотографией автора, вершила свою работу...

Дина Рубина · Отлично поет товарищ прозаик!

Я никогда не включаю в сборники рассказов те первые свои опусы, опубликованные в журнале «Юность». Даже не потому, что они не представляют литературной ценности. Просто этот торжествующий щенячий визг надо оставить там, на страницах моей подростковой самоуверенности и упоенности победой.

И только когда пришла ко мне первая неудача – несчастная, как и положено ей, юношеская любовь; когда в моих текстах появилась насмешка по отношению к себе и необходимая дистанция между авторским «я» и окружающим миром, – только тогда мои ранние рассказы и повести заслужили, на мой взгляд, читательское внимание...

Дина Рубина

Рассказы

ПО СУББОТАМ

Под утро к ней приходили два сна. Один длинный, обыденный и скучный, у него много лиц, и все они кого-то напоминают. Этот сон наполнен раздраженными голосами и бесцельными действиями. Он ничем не отличается от будней, поэтому тяжел, скучен и сер...

Она просыпается и смотрит в окно. В доме напротив горят три квадратика — значит, уже часов шесть. Она долго лежит с открытыми глазами и думает. Потом небо светлеет, и плечам становится прохладно. И вот тогда возникает сон Второй.

Сначала он прыгает на форточку и долго сидит там, потом мягко и бесшумно спускается на подоконник. Она знает, что сон здесь, но на него нельзя смотреть — улетит. Наконец он усаживается где-то у

ее плеча и начинает легонько дуть ей на мочку уха. Это ужасно приятно... Все предметы вокруг становятся зыбкими и погружаются в мягкий сиреневый свет, который постепенно вкрадывается в ночную комнату. Теплая и прозрачная дремота наплывает на нее, обнимает, качает на своих коленях, и она боится пошевелить головой, чтобы не отдавить лапку Второму сну...

Он здесь. Он легкими прикосновениями гладит ее лоб, щеки, плечи, рассыпает на темном небе закрытых глаз разноцветные калейдоскопические звезды и легко смешивает реальное с нереальным, как мягкие пластилиновые шарики.

...А совсем утром ей приснилось, что ее зовут обыкновенным хорошим именем Таня, таким уютным, домашним...

— Ева! — Бабка стучала в стенку из кухни. Значит, завтрак готов, пора вставать. — Евка!

— Ну что ты стучишь, как гестапо! — сонно пробормотала она, заведомо зная, что бабка не услышит и будет колотить в стенку до тех пор, пока Евка не появится на кухне.

Она с закрытыми глазами нашарила шлепанцы и поплелась в ванную.

«Эта физиономия, — подумала она, разглядывая себя в зеркале над умывальником, — всегда напоминает мне о чем-то грустном».

Евка привыкла думать о себе как о чужом и не совсем приятном ей человеке. Почистив зубы, она внимательно посмотрела на свое отражение и сказала ему полушепотом, чтобы бабка не слышала: «Папа го-

ворит, что ничего — все девушки к шестнадцати годам расцветают. Что ж, будем надеяться... Но ты, дитя мое, что-то подозрительно долго не расцветаешь! Прости, конечно, но сдается мне, что ты просто-напросто кикимора!» — закончила она и водрузила расческу на место, потому что бабка любила порядок. Скуластая и раскосая Евка в зеркале ничего не ответила, но, наверное, затаила обиду.

— Евка! — опять крикнула бабка из кухни. — Все простыло!

«Ну и имечко!» — подумала Евка в миллионный раз. Она так часто думала именно этими словами, что у нее уже выработалась мысленная интонация. «Ну и... — думала она на вдохе и делала крошечную паузу. — «И — имечко!» — кончала она на выдохе и мысленно ставила три восклицательных знака.

— Ев-ка! Что ты сегодня, сдохла?!

— Пора, пора, рога трубят! — вполголоса пробормотала Евка. Она вообще была негромким человеком.

На кухне бабка сплетничала с соседкой.

— С женой он не разводился, — доверительно сообщала бабка, — но у него была еще женщина, любовница... — Увидев Евку, она смутилась и поправилась: — Он... он с ней... э-э... дружил...

— Да, — иронично и негромко сказала Евка, садясь за стол. — Дружил. С женой он дружил ночью, с любовницей — днем.

— Попрдержи язык! — закричала бабка.

— А ты не сплетничай о моем отце, — спокойно ответила Евка. — Что там у тебя, котлеты? Я не хочу...

– Ничего, ты начни, аппетит разыграется.

– Разыграется, – буркнула Евка. – Ногами гамму до мажор в терцию.

Вообще она не любила долгие препирательства с бабкой, в которых та все равно выходила победителем. Она считала, что пожилым людям многое стоит прощать – так с ними легче жить.

Допивая свой чай быстрыми и мелкими глотками – она опаздывала на репетицию, – Евка доброжелательно сказала бабке:

– Заметь, каждое утро даю себе слово не огрызаться. Не из благих побуждений, мне просто лень... Но обещаю, шеф: если ты еще раз утром начнешь ломиться в стенку – я останусь заикой и, как инвалид, буду жить на твоём иждивении. А это тебе не улыбается, насколько я понимаю...

Ее сапоги в коридоре стояли рядышком, сиротливо, как два новобранца с обнаженными головами, и Евка поскорей стала их натягивать. «Ты опять опоздаешь», – напомнила она себе. Потом она долго стояла на остановке троллейбуса. Здесь ходили только восьмой и одиннадцатый. Евка ждала одиннадцатый, и, как всегда в таких случаях, восьмые ходили один за другим, а одиннадцатых вовсе не было, и поэтому казалось, что восьмых на линии сто штук, а одиннадцатых всего два и водители обоих пьяны.

С утра шел снег... Медленные снежинки оседали на меховой шапочке с козырьком и на воротнике куртки.

Дина Рубина • Отлично поет товарищ прозаик!

Евка опаздывала на репетицию. Она играла в джазово-симфоническом оркестре при народной филармонии. В оркестре играли ребята из консерватории, из училища, и Евка – выпускница специальной музыкальной школы – была там самой маленькой. Она играла на фоно, а иногда, когда не приходил Рюрик, на электрооргане...

Когда она пришла, ребята уже налаживали аппаратуру. Евка положила ноты на рояль и наблюдала, как Дима устанавливал микрофон. Он очень сосредоточенно крутил что-то, время от времени откидывая назад спадающие на глаза черные волосы. У Димы была смуглая кожа, очень темные брови, ресницы и глаза, поэтому белки казались особенно яркими и светлыми.

«Слушай, а он тебе нравится, – сказала себе Евка и, немного подумав, небрежно ответила: – Да, чуть-чуть...»

– Раз... раз... – буркнул в микрофон Дима, и в динамике гулко отозвалось: – Раз, раз...

Евка подумала, что скучно, когда все, проверяя микрофон, говорят почему-то «Раз, раз...». Будто нет других слов... Она подошла и сказала в микрофон:

– Крокодил.

– Крокодил, – отозвалось в динамике.

Дима увидел ее и улыбнулся.

– А, праматерь! Привет, как жизнь?

С ним всегда можно было перекинуться парой интересных слов. С ним и с первой скрипкой – Акундиным. Акундин был совсем взрослым, он занимался на

четвертом курсе консерватории и часто на репетиции приводил девушек. Каждый раз новую.

Бородатый Акундин вообще был занятым человеком. Он в совершенстве владел тем языком, на котором говорило его поколение. В первую репетицию он заметил Евке: «А ты здорово себя преподносишь, дитя...» И она сразу подумала, как много люди говорят бессмысленных и неточных слов. Она представила себя почему-то жареной курицей с торчащей вверх ножкой и как она себя преподносит...

Ерунда какая-то!..

– Рюрик просил передать тебе эти ноты, – сказал Дима. – Он опять заболел...

Евка взяла ноты и в который раз удивилась, какой этот Рюрик милый и предупредительный человек. На прошлой репетиции она вскользь заметила, что здорово было бы поиграть рапсодию Гершвина, да ноты трудно достать. И вот он бегал по городу, доставал, может быть, простудился из-за этого. Чудак такой... Евка вспомнила его ласковый, чуть косящий взгляд и улыбнулась. Он один из всего оркестра называл ее не праматерью и прародительницей, а как-то забавно и щекотно, так что Евка морщила нос, когда он к ней обращался. Он называл ее «Еванька». Ужасно смешно! Евка опять вспомнила его ласковую, просящую улыбку и подумала: «Какой милый мальчик этот Рюрик. Нежный ко всем, без исключения... Князь Мышкин... Это, наверное, то, что называется светлой личностью. Я бы хотела, чтобы у меня была собака с таким характером... Нет, нет, это ничуть не оскорбительно! – за-